Гусева Ирина Ивановна

О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

В статье анализируется влияние новой онтологии социального на дисциплинарную организацию современных социально-гуманитарных наук. Показано, что пересмотр классической модели социальной структуры и формирование новых образов социально-культурного универсума привели к отказу от жестких стратификаций в социально-гуманитарном знании. Делается вывод, что следствием этих процессов стали новые тенденции в дисциплинарном устройстве социально-гуманитарных наук: возникновение некоторых наук на границах других научных дисциплин; формирование дисциплинарности нового типа, опирающейся на наличие и разрастание массивов междисциплинарных полей; внутридисциплинарное разветвление, основанное на варьировании масштаба анализа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-3/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 3. С. 32-35. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html
Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-3/

<u>© Издательство "Грамота"</u>

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1; 165/168 Философские науки

В статье анализируется влияние новой онтологии социального на дисциплинарную организацию современных социально-гуманитарных наук. Показано, что пересмотр классической модели социальной структуры и формирование новых образов социально-культурного универсума привели к отказу от жёстких стратификаций в социально-гуманитарном знании. Делается вывод, что следствием этих процессов стали новые тенденции в дисциплинарном устройстве социально-гуманитарных наук: возникновение некоторых наук на границах других научных дисциплин; формирование дисциплинарности нового типа, опирающейся на наличие и разрастание массивов междисциплинарных полей; внутридисциплинарное разветвление, основанное на варьировании масштаба анализа.

Ключевые слова и фразы: социально-гуманитарные науки; дисциплинарная организация науки; дисциплинарность нового типа.

Гусева Ирина Ивановна, д. филос. н.

Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова iris212009@rambler.ru

О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Глубинные изменения социально-культурной реальности всегда приводят к формированию новых стратегий её исследования и в той или иной мере к дисциплинарному переустройству системы знаний об этой реальности. Со второй половины XX в. начинает формироваться новая онтология социального, делающая акцент на разнородности и множественности; появляются и множатся образы культуры, вбирающие в себя представления о многообразии жизненных миров, возрождающие ценность индивидуального, отдельного, сингулярного. Утверждение этой *другой* онтологии человеческой действительности, сфокусированной на конкретности человеческого мира, не могло не привести к серьёзным изменениям в дисциплинарной организации социально-гуманитарных наук.

Естественно, что когда идёт речь об онтологической обусловленности гносеологических установок, эту обусловленность нельзя понимать как жёсткую детерминированность классического плана: не существует абсолютной «конвертируемости» онтологических изменений в трансформацию исследовательских стратегий и методологических принципов. Но также очевидно, что кардинальные сдвиги в самой социальной реальности не могут не порождать соответствующую эпистемологическую реакцию – в тех формах и форматах, которые инициируются уже самими внутринаучными механизмами. Сюжеты о новых тенденциях в дисциплинарном устройстве социально-гуманитарных наук являются, на наш взгляд, практически зеркальным отражением ситуации с отказом от доминирования образов «структурной социальности» и утверждением другой, «радикальной социальности» [3].

Классическая модель структурной социальности, где социальные системы и подсистемы рассматривались наподобие «помещений» и «перегородок», до поры до времени была надёжной опорой социальных наук, но за несколько последних десятилетий утратила свою монополию. Распад самой социальной реальности на различные поля и анклавы, умножение жизненных стратегий и индивидуальных траекторий в мире постсовременности и отразившие эти перемены новые веяния в философии, социальных науках, гуманитаристике продемонстрировали, что в наше время уже невозможно рассматривать социальную структуру как застывший «скелет» социального универсума. Расшатались границы между индивидными и совместными формами бытия социального; пришло понимание того, что «социальное» и «коллективное» не тождественны, а материя социального – это в действительности не существующая раз и навсегда зафиксированная вещная данность, а подвижная единая ткань, полотно, которую ткут, периодически распускают, латают и снова воссоздают множество «ткачей» – агентов социального действия.

Новые образы социально-культурного универсума дают ключи к пониманию современной дисциплинарной организации социально-гуманитарного знания. Одним из главных последствий вышеназванных онтологических изменений стала «размытость» границ в семействе социально-гуманитарных дисциплин. Как понятие социальной структуры в классической трактовке не исчезло, но утратило свою абсолютную доминантность, связанную с его прежней онтологизацией, так и представление о дисциплинарной структуре социальногуманитарных наук работает, но в новых форматах, обусловленных, прежде всего, отказом от реификации этой структуры. Так, феномен междисциплинарности в современных социально-гуманитарных науках означает не просто формирование знания на границах этих наук, но именно на периодически пересматривающихся границах. Демаркации, которые и прежде отличались неустойчивостью в большей степени, чем в естествознании, после серии «поворотов» и «вызовов», пережитых социально-гуманитарными науками, приобретают такую подвижность, что порой очень непросто определиться, на «территории» какой научной дисциплины мы находимся. Очень показательна в этом смысле научная судьба культурологии.

Культурология, как и некоторые другие научные дисциплины в сфере социально-гуманитарных наук, сформировалась на подвижных границах других наук: этнологии, этнографии, социально-культурной антропологии, социологии культуры, искусствоведения, филологии, семиотики, исторической науки (особенно, как известно, велика роль школы «Анналов» с её вниманием к структурам повседневности). Её «генетическая» маргинальность очень хорошо отражает эпоху пересмотра и переопределения границ в социальногуманитарных науках и вместе с тем делает её в какой-то степени «заложницей» этой ситуации. Это многообразие источников и междисциплинарных пересечений культурологии является одной из главных причин трудностей с её дисциплинарной идентификацией, а порой даже и сомнений в её научном статусе. О. Н. Астафьева и К. Э. Разлогов, характеризуя междисциплинарность как основную исследовательскую стратегию культурологии, в этой связи отмечают: «Сколь несомненны позитивные эффекты этого процесса, столь же очевидно и обострение противоречий, связанных с проблемами "пересечения дисциплинарных полей", "переноса и заимствований", "нарушения границ и трансграничности", "формирования метаязыка" и т.д. Соответственно, центральными остаются проблемы упорядочивания понятийно-категориального аппарата культурологии и определение её предмета» [1].

Подвижная неоднородная реальность современной культуры, становясь объектом научного исследования, способствует трансграничности, частичному наложению дисциплинарных полей. Пересмотр и рефлексия по поводу происходящих изменений являются атрибутами современного понимания междисциплинарности, поскольку они, в свою очередь, приводят к переформатированию онтологии научных теорий. Эти процессы в совокупности в конечном счёте ведут к новому пониманию самой дисциплинарности в социальногуманитарном знании, предполагающей, помимо отсутствия жёстких демаркаций, постоянный анализ дисциплинарных границ. Эта дисциплинарность нового типа опирается на наличие и разрастание массивов междисциплинарных полей с пересечением концептуального аппарата и эмпирических данных. Одним из самых проблематичных следствий этого является нечёткая фокусировка предмета исследования в соответствующих научных дисциплинах, как это хорошо видно, в частности, на примере культурологии.

Методологическая «усталость» от чрезмерного давления онтологизированных структур социальноисторической реальности и соответствующих структур знания об этой реальности стала одной из значимых причин нетривиальных внутридисциплинарных движений в исторической науке. Мы имеем в виду проблему интенсивного диалога макро- и микроистории и разные трактовки их сочетания: от идеи дополнительности до «невозможности микроистории». Так, известный российский историк Н. Е. Копосов полагает, что главной причиной популярности микроистории стал своеобразный «невроз рубрикации», возможность отказаться – хотя бы в локальном масштабе – от принуждения привычных макроисторических категорий. Учёный обосновывает «невозможность микроистории» следующим образом: микроистория использует макроисторические понятия, апеллирует к макроисторической проблематике, поэтому единственно возможный выбор для микроистории – это выбор «между эксплицитной и имплицитной зависимостью от макроистории» [4, с. 33].

Однако отказ от жёсткого «диктата» традиционной рубрикации истории (и это также отмечает Н. Е. Копосов) имеет более глубокие эпистемологические корни: в основу социальной стратификации нередко закладываются разные критерии, они смешиваются, затем происходит онтологизация таким образом сконструированной социальной шкалы, и впоследствии она воспринимается как априорно данная для исторического исследования. В микроисторических исследованиях важное место занимает работа, которую можно назвать «демонтажом» тех самых реифицированных структур, о которых говорилось выше, ввиду их явного расхождения с эмпирическим материалом, и далее на пересечении индивидуальных жизненных траекторий и многообразия жизненных миров начинается поиск более адекватных образов культурно-исторического универсума.

Мы не обсуждаем здесь вопрос об эпистемологической специфике микроистории [2]. В данном контексте представляется важным отметить, что, независимо от трактовок соотношения макро- и микроистории, полемика по этому поводу оказалась необычайно насыщенной и эвристичной. Эта методологически плодотворная дискуссия, осветившая новые грани фундаментальной проблемы исторической репрезентации, позволила уяснить некоторые значимые тенденции в дисциплинарном устройстве современной исторической науки. Может быть, один из главных результатов этого обсуждения, внесшего свою лепту в «антропологический» и другие «повороты», заключается в том, что на смену стратифицированному образу истории и соответствующей ему организации исторической науки пришло более «стереоскопическое» видение неоднородности историографических практик и внутренней гетерогенности исторического знания.

Представление о внутренней неоднородности исторического знания, конечно же, не ново, но здесь также появились новые акценты. Один из наиболее значимых, на наш взгляд, связан с начавшимся в середине XX в. постепенным уходом от трактовки истории только как области узко понятого гуманитарного знания и всё большим тяготением её к методам социальных наук. Классический пример – конечно же, французская история ментальностей, но не только; в контексте британско-американской медиевистики встречное движение истории и социально-аналитических дисциплин закрепилось даже в соответствующем термине – «социальная история», которая в 1970-1980-е гг. стала выполнять ярко выраженную интегративную функцию в системе исторических дисциплин. Микроистория, о которой говорилось выше, несмотря на обвинения в эмпиризме, также активно использует методы из арсенала социальных наук, например, сетевой анализ межличностных взаимодействий.

Итак, привычная дихотомия социального и гуманитарного перестала быть довольно однозначной, как прежде. Взаимопроникновение социального и гуманитарного порождает внутридисциплинарные разветвления и становится одной из важных причин мультипарадигмальности в социально-гуманитарном знании.

Указанное взаимопроникновение выражает единство культурно-исторического универсума и вместе с тем свидетельствует о том, что науки, изучающие общество, культуру, историю, достигли уровня теоретической и методологической зрелости, коррелирующего с этим единством. При этом показательно, что те дисциплины из сферы социально-гуманитарного знания, которые традиционно опирались на идиографическую стратегию, начиная активно использовать номотетические методы, вышеназванные новые ориентиры закрепляют и в названии соответствующего направления, как, например, в случае с социальной историей, о которой говорилось выше. Наблюдается и обратное движение: образцово номотетические дисциплины в поисках новой «точки сборки» социальной реальности делают ярко выраженные индивидуализирующие акценты, что также, в свою очередь, запечатлевается и в названиях. Если история – эталон гуманитарной науки в классическом понимании этого слова, то архетипом социальной науки на номотетическом фундаменте с момента её возникновения, бесспорно, была социология. Однако за последние несколько десятилетий здесь многое изменилось. Перемены, первоначально инициированные феноменологическим поворотом в социальных науках, привели к открытию новых измерений социального и соответствующей смене ракурсов исследования. Естественно, это не привело к «отмене» классической социологии, но феноменологическая социология, микросоциология, «драматургическая социология» (И. Гофман) дали возможность увидеть новые горизонты социального мира. Произошла легитимация индивидных форм социального; для того чтобы исследовать эту вновь открытую конкретность человеческого мира, понадобились другие методы. Так появилась «качественная», или «гуманистическая», социология [7].

Неудивительно, что именно в контексте качественной социологии произошёл своеобразный ренессанс биографического метода. Вообще, этот метод, как известно, является одним из древнейших жанров историописания. И снова мы видим, как срабатывает переключение «номотетическое – идиографическое». Один из важнейших методов из арсенала исторической науки приобретает такое распространение и такую значимость в современной социологии, что, на наш взгляд, это даёт основание говорить о формировании биографической исследовательской стратегии в социологии.

До сих пор мы говорили о дисциплинарных движениях и изменениях внутри системы социальногуманитарного знания. Но картина будет неполной, если совсем абстрагироваться от диалога социальногуманитарных и естественно-математических наук. Говоря о междисциплинарности, нельзя не упомянуть ещё одну известную, но от этого не менее значимую тенденцию: взаимообмен методологическим инструментарием между математикой, естествознанием и социально-гуманитарными науками. С одной стороны, язык и методы математики применяются в социально-гуманитарных дисциплинах. Но, с другой стороны, всё очевиднее и обратное движение, когда «методы социальных и гуманитарных наук все чаще применяются в современном естествознании и математике (например, целостный подход к изучению своих объектов в таких науках, как биология, геология, география и др.; применение идей сингулярности и творчества в космологии и синергетике; симметрии – в физике, химии, биологии; интуиции – в интуиционистской математике; использование антропного принципа – в космологии, биохимии, биологии и др.)» [5].

Следует также сказать, что и в западной, и в отечественной литературе наряду с междисциплинарностью, полидисциплинарностью укореняется представление о «трансдисциплинарности», характеризуемой как новый тип производства знаний, как «качественно новый этап интегрированности науки в общество» [8]. Трансдисциплинарность предполагает выход в сферу жизнедеятельности человека, практики, это своего рода гибрид науки и технологии. В этой новой ситуации функционирования научной рациональности резко изменилось соотношение между фундаментальными и прикладными исследованиями. С. А. Лебедев отмечает, что когда-то понятия «фундаментальные исследования» и «научная деятельность» были почти синонимами; в наше же время на фундаментальные исследования приходится всего лишь около 8-10% всего объема научной деятельности [5]. Ярко выраженный интерес к исследованиям прикладного характера является одной из примет современного социально-гуманитарного знания. Выше говорилось о научной судьбе культурологии на междисциплинарных перекрёстках; известно, что англо-американскую культурологическую традицию представляют *Cultural Studies*, по сути, прикладная культурология, которая изучает технологии производства, продвижения и потребления культурных продуктов. Аналогичные тенденции наблюдаются и в сферах других социально-гуманитарных наук.

В заключение отметим, что свою лепту в понимание современного дисциплинарного устройства научного знания вообще и социально-гуманитарного в частности вносит оживившийся в последнее время спор философского реализма, эссенциализма и антиреализма, конструктивизма, релятивизма. Среди отечественных методологов науки звучат разные оценки: так, В. А. Лекторский однозначно оценивает происходящее как «реалистический поворот в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки», в то время как Б. И. Пружинин, Е. А. Мамчур не видят достаточных оснований для такой оценки, подчёркивая, что релятивистские установки по-прежнему сильны и для них существуют серьёзные основания в реальности [6]. Как бы то ни было, размышления о возможном возвращении «изгнанной» метафизики сообщают новые импульсы обсуждению проблем дисциплинарных границ, поскольку вместе с «реабилитацией» потесненной на долгие столетия онтологической проблематики открываются новые ракурсы дисциплинарных разграничений и переплетений, и появляется возможность сделать соответствующие акценты: либо онтологические, либо эпистемологические.

Таким образом, пересмотр классической модели социальной структуры и формирование новых образов социально-культурного универсума привели к отказу от жёстких стратификаций в социально-гуманитарном

знании. Следствием этих процессов стали новые тенденции в дисциплинарном устройстве социальногуманитарных наук: возникновение некоторых наук на границах других научных дисциплин; формирование дисциплинарности нового типа, опирающейся на наличие и разрастание массивов междисциплинарных полей с пересечением концептуального аппарата и эмпирических данных, что иногда ставит под сомнение дисциплинарную идентичность; внутридисциплинарное разветвление, основанное на варьировании масштаба анализа. Особо отметим взаимопроникновение социальных и гуманитарных дисциплин, связанное с переключением акцентов в связке «номотетическое – идиографическое» и сопровождающееся появлением научных направлений, представляющих собой дисциплинарный гибрид социального и гуманитарного (социальная история, качественная социология).

Список источников

- 1. Астафьева О. Н., Разлогов К. Э. Культурология: предмет и структура [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2010. № 1. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/2.html&j_id=2 (дата обращения: 20.10.2017).
- Гусева И. И. Стратегии исторического исследования: философско-эпистемологический анализ: монография. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2006. 110 с.
- 3. Кемеров В. Е. Концепция радикальной социальности // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 3-13.
- **4. Копосов Н. Е.** О невозможности микроистории // Казус: индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю. Л. Бессмертного, М. А. Бойцова. М.: РГГУ, 2000. Вып. 3. С. 33-51.
- Лебедев С. А. Пересборка эпистемологического [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1178&Itemid=52 (дата обращения: 23.11.2017).
- 6. «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «круглого стола» [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1554&Itemid=52 (дата обращения: 20.11.2017).
- 7. Семёнова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 292 с.
- 8. Черникова И. В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1139&Itemid=52 (дата обращения: 20.11.2017).

ON MODERN TRENDS OF THE DISCIPLINARY ORGANIZATION OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

Guseva Irina Ivanovna, Doctor in Philosophy

Saratov Socio-Economic Institute (Branch) of the Plekhanov Russian University of Economics iris212009@rambler.ru

The article analyzes the influence of new ontology of the social on the disciplinary organization of modern social sciences and humanities. It is shown that the revision of the classical model of the social structure and the formation of new images of the sociocultural universe have led to the rejection of rigid stratifications in social and classical knowledge. It is concluded that new trends in the disciplinary structure of social sciences and humanities are the consequence of these processes: the emergence of certain sciences on the borders of other scientific disciplines; the formation of a new type of a discipline, based on the presence and growth of arrays of interdisciplinary fields; intra-disciplinary branching, based on varying the scale of the analysis.

Key words and phrases: social sciences and humanities; disciplinary organization of science; disciplinarity of new type.

УДК 141.201

Философские науки

Статья посвящена рассмотрению процесса изменения социального мифа в современном обществе риска. Анализируя причины возникновения риска, автор находит их отражение в производимых мифологемах, в трансформации мышления индивида и всего социума, видит прямую взаимосвязь между фактором риска и социальным мифом: рост рисков приводит к росту социальных мифов, их объясняющих. Основной результат трансформации социального мифа заключается в том, что социальный миф становится рациональным элементом социальной реальности.

Ключевые слова и фразы: социальный миф; риск; опасность; трансформация; общество; социальная действительность.

Девнина Галина Сергеевна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского devnina@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО МИФА В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА РИСКА

В конце XX столетия общество вступило в новую фазу своего развития, названную исследователями «обществом риска», в которой оно существует и по сей день. Главным отличительным признаком такой формации является распределение опасностей и обусловленных ими рисков аналогично распределению благ